

Русский язык

УДК 81'42; 801.7

Бурцев В.А.

АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНТЕРДИСКУРСА: СИНТАКСИС, ДИСКУРСНЫЕ ФОРМАЦИИ, БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ*

Аннотация. В статье раскрывается содержание понятия «интердискурс» с позиций французской лингвистической школы. Сделана попытка показать, что интердискурс дан в высказывании эмпирически и что средства его обнаружения имеют лингвистическую природу.

Ключевые слова: дискурс, интердискурс, акт производства высказывания, дискурсные парафразы, дискурсные формации, преконструкт, эффект опоры.

V. Burtsev

ASPECTS OF DEFINING INTERDISCOURSE: SYNTAX, DISCURSIVE FORMATIONS, THE UNCONSCIOUS

Abstract. The content meaning of the notion «interdiscourse» is disclosed from the point of view of the French linguistic school. An attempt is made to show that interdiscourse is given in an utterance empirically and that the means to reveal it have a linguistic nature.

Key words: discourse, interdiscourse, act of utterance production, discursive paraphrases, discursive formations, preconstruct, effect of rest.

Одним из главных средств анализа дискурса является соотнесение дискурса с интердискурсом. При этом возникает проблема определения интердискурса. Если дискурс – это текст или речь, то чем является интердискурс, какое место он занимает в структуре дискурса? И занимает ли вообще как лингвистическая форма? Эти вопросы всегда могут вызвать споры, если подходить к дискурсу как к тексту в контексте, т. е. с прагматической точки зрения. Но с позиций отношения к дискурсу как к конструированному объекту пространство интердискурса лингвистически четко определимо. Речь идет о тех фактах, которые могут быть наблюдаемы в рамках текс-

та и которые выявляются в свете понимания дискурса как механизма, определяющего акт производства высказывания. Теория акта производства высказывания – это лингвистическая теория французской школы в аспекте изучения дискурса [4]. Некоторые ее идеи, тесно связанные с разработкой понятия ‘интердискурс’, являются предметом рассмотрения в статье.

Ключевым пунктом теории французской школы служит представление о том, что в актуальном высказывании, рассмотренном с точки зрения его производства, можно обнаружить следы другого высказывания, место и время производства которого остаются имплицитными. Отсюда вытекает такая гипотеза: если говорящий в процессе акта высказывания не утверждает все сообщаемые пропозиции, то, следовательно, он и не выступает абсолютным хозяином смысла высказывания. Таким образом, эта теория подразумевает определенную точку зрения на связь мышления и языка. Существенным моментом здесь является опора на синтаксис, поскольку в свете единицы дискурса – высказывания – именно синтаксическая конструкция является местом, где локализируются дискурсные процессы. Поль Анри, по-видимому, первый среди французских ученых, представителей школы анализа дискурса, кто синтаксически описал дискурсный процесс интерсубъектности. На его работе [1] сосредоточено основное внимание в статье.

П. Анри обратил внимание на классический случай, связанный с придаточными относительными, а именно на тот факт, что относительные придаточные могут выражать два значения – определительное и аппозитивное, что иллюстрируется следующим примером:

(1) Профсоюзы, которые защищают трудящихся, демократичны [1, с. 171].

(1a) Аппозитивное значение: (все) проф-

* © Бурцев В.А.

союзы демократичны, потому что защищают трудящихся.

(16) Определительное значение: *(те) профсоюзы демократичны, которые защищают трудящихся.*

П. Анри разбирает две теории, которые возникли в связи с интерпретацией придаточных относительных: теорию референции и теорию ограничений выбора. Согласно первой, разные эффекты значения обусловлены лексико-грамматическими свойствами определяемого существительного (или именной группы). Одни существительные референциально автономны, так что придаточное служит только указательным средством (средством практической идентификации), поскольку референциальная автономность не требует дополнительного контекста для определения значения. В этой функции выступают аппозитивные придаточные. Другие существительные референциально зависимы, и для их определения требуется контекст, а именно: определительное придаточное. П. Анри считает такой подход сомнительным, поскольку тогда предполагается, что каждый раз от говорящего будет требоваться, чтобы в случае употребления референциально автономных слов, он бы их употреблял, определяя точно класс предметов, названных данным словом. Иначе говоря, П. Анри обоснованно допустил, что случаи референциальной автономности/неавтономности коренятся не в грамматике или словаре, а возникают в тексте под влиянием семантических факторов. «...Референтность или нереферентность конкретной единицы не является ее внутренней характеристикой, а представляет собой эффект значения, возникающий при взаимодействии синтаксиса с семантическим фактором» [1, с. 168-169]. В дальнейшем изложении П. Анри уточняет, что эти факторы связаны с актом производства высказывания. Иллюстрациями того, что принцип референциальной автономности не является решающим в интерпретации типа значения придаточных относительных, служат следующие примеры:

(2) *Собака, животное, меня укусила* (где *животное* не обладает референциальной автономностью);

(3) *Собака, животное, является плотоядным* (где *животное* употребляется как референциально автономное существительное) [1, с. 167-168].

Нельзя не заметить, что выводы П. Анри в существенных деталях совпадают с некоторыми концепциями референции, в

частности с теми, где большую роль играет тип коммуникативной ситуации (например, [3]). Однако значение поднятого П. Анри вопроса о приуроченности языкового выражения к конкретному предмету не исчерпывается тем, что его можно рассматривать в терминах контекстного употребления. Он также имеет отношение к вопросу о том, что принадлежит естественному языку (в смысле кода) и что может рассматриваться в качестве дискурсного процесса. В теории французской школы дается ответ с точки зрения механизма производства высказывания; механизм производства высказывания определяется как дискурс [8, с. 27]. Например, П. Серию формулирует принцип ориентации дискурса на синтагматической оси языка через представление дискурса как политопного пространства, в котором есть референты, не зависящие от эксплицитных утверждений говорящего: «...дискурс естественного языка имеет дело с объектами, уже являющимися продуктом подбора и построения. Однако в высказывании можно найти лишь следы таких операций: говорящий не может «сказать всего», эксплицитировать все в каждом новом высказывании» [9, с. 365].

Согласно теории ограничений выбора Н. Хомского, говорящий выбирает прилагательные и глаголы исходя из существительных. Категория существительного признается, таким образом, автономной по отношению к прилагательному и глаголу. По мнению П. Анри, теория ограничений выбора хорошо формализует понятия, связанные с референциальной автономностью, но в то же время испытывает серьезные трудности как в связи с проблемой детерминации, так и с некоторыми другими. Так, П. Анри приводит пример, который теория ограничений выбора, исходя исключительно из синтаксических признаков предложения, объяснить была не в состоянии: *Профессор и Пьер поженились* (грамматичное предложение); *Кюре и Пьер поженились* (неграмматичное предложение) [1, с. 164-165]. Как считает П. Анри, факты подобного рода стали предпосылкой к усовершенствованию генеративной теории, в частности, к включению в нее в качестве одного из теоретических оснований универсальной семантики [1, с. 165]. И по этому поводу П. Анри делает следующий важный вывод: поскольку универсальная семантика была введена с целью описания значения с точки зрения языковой компетенции, генеративная теория объективно была вынуждена отказаться

от разработки теории дискурса. В результате факты дискурса как таковые, дискурс в целом как механизм производства высказывания был насильно водворен в язык [1, с. 171]. Так, генеративистские подходы к различению придаточных определительных и аппозитивных, разбор которых П. Анри проводит, показывают, по его мнению, именно то, что при описании области значения придаточных объективное влияние на неё дискурсных процессов отрицается; дискурсные свойства относительных придаточных интерпретируются как свойства самих придаточных.

В генеративной грамматике принято соотносить интерпретации придаточных относительных с разными глубинными структурами (см. также результаты современных исследований в [5; 6]). П. Анри находит, что практически все трансформации могут быть сведены к одной [1, с. 174]; следовательно, этот факт препятствует объяснению разного «прочтения» придаточной части. Тем не менее в некоторых генеративистских подходах П. Анри отмечает элементы гипотез, продуктивные с точки зрения дискурсной интерпретации. Так, он обращает внимание на подход, предложенный Х.Б. Дробигом: «Для случая ... придаточного определительного предлагается «контекстуальная» гипотеза, состоящая в том, что перед применением сочинительной трансформации в глубинной структуре конституэнтная фраза должна стоять слева от матричной фразы. Эта гипотеза в какой-то мере отражает эффект «пресуппозиции», возникающий в случаях, когда придаточное относительное выступает в функции определительного, а также идею пресуппозиции» [1, с. 175].

Таким образом, согласно П. Анри, ни теория референциальной автономности, ни теория ограничений выбора (между которыми много общего), ни внутрисконструктурные трансформации не дают окончательных решений относительно объяснения неоднозначности придаточных относительных.

Решение самого П. Анри состоит в следующем. Принимается обоснованный тезис, что эффекты значения придаточных относительных как единиц языка дают не сами эти единицы, внутренняя характеристика которых может быть основана на референции и трансформациях, а соотношение единиц с их парафразами. П. Анри квалифицирует парафразы как объекты, внешние по отношению к дискурсу, поскольку они, выступая в формах, отличных от той, в которой они

представлены в текущем дискурсе, оставляют при этом неизменным смысл высказывания [1, с. 169]. Парафраза, сопоставляемая исходному высказыванию, рассматривается как дискурсная, поскольку, детерминируя референтный характер определяемого, она сама зависит от дискурсной формации. Дискурсная формация «определяет способность единиц выступать в качестве замены данной единицы в данной ситуации и с данной позиции» [1, с. 169]. Делается вывод, что смысл неоднозначного языкового выражения может быть представлен материально дискурсными парафразами. Именно таким образом проблема семантики дискурса сводится к определяющей роли дискурсной формации (идеологии) и материальному выражению смысла. Думаем, что по своему методу (экспликация отношений синонимии между предложениями) семантика дискурса примыкает к формальным моделям исследования семантики, наиболее разработанным в лингвистике.

Далее П. Анри показывает, каким образом внешние по отношению к дискурсу объекты функционируют внутри дискурса. Для этого он использует понятия «насыщенная формулировка, «внешнее соотношение», «внутреннее соотношение» [1, с. 179]. Поскольку эти понятия вводятся практически без иллюстраций, мы предлагаем рассмотреть их в более привычных терминах, хотя допускаем, что это может несколько исказить смысл сделанных П. Анри наблюдений. Внутреннее и внешнее соотношение можно связать соответственно с атрибутивным и референтным употреблением определенных дескрипций [3]. Рассмотрим примеры К.С. Доннелана. Дискурсной парафразой (4) является (4а):

(4) *Убийца Смита – сумасшедший;*

(4а) *Убийца Смита – сумасшедший (= потому что так жестоко убить человека может только сумасшедший).*

По П. Анри, внешнее соотношение имеет место в случаях, когда элементы высказывания соотносятся с другой последовательностью. Если считать, что цель атрибутивного употребления – не указать на человека, знакомого слушателю, а включить некое лицо в класс, в данном случае в класс сумасшедших, то тогда следует говорить об отношениях включения между определяемым и определяющим (см. [2, с. 441]). В терминах Д. Вайса *сумасшедший* в (4а) понимается предикатно, а не субстантивно. Только субстантивное употребление является идентифицирующим.

Согласно одному из следствий принципа идентификации, «референция имеет место благодаря известным говорящему фактам, относящимся исключительно к данному объекту (выделено нами. – В. Б.)» [10, с. 196]. Поскольку убийца Смита может и не быть сумасшедшим, то дискурсные последовательности *убийца Смита* и *сумасшедший* следует интерпретировать с позиции внешнего соотношения. Факт того, что дискурсная формулировка *убийца Смита* соотносится с другой дискурсной последовательностью, предполагает ее определение как ненасыщенной дискурсной формулировки.

Дискурсной парафразой (4) при референтном употреблении определенной дескрипции является (4б):

(4б) *Убийца Смита – сумасшедший* (= тот, кто нам известен как пациент психиатрической больницы).

Основная функция определителей (детерминативов) при референтном употреблении – идентификация объекта. В смысле приведенного выше следствия из принципа идентификации следует признать, что в данном случае *убийца Смита* и *сумасшедший* кореферентны, и квалифицировать дискурсную последовательность по типу внутреннего соотношения, т. е. как соотносящуюся саму с собой. Следовательно, *убийца Смита* – насыщенная дискурсная формулировка. Термины «насыщенная формулировка», «внутреннее соотношение», «внешнее соотношение» отражают не языковые условия, а существо дискурсного процесса, основанного на возможности сегментировать дискурсную последовательность: а) на пропозицию, утвержденную самим говорящим, и б) на пропозицию, которая в текущем дискурсе признается как утвержденная в другом акте коммуникации. Исследование П. Анри в сущности показывает, что интерпретация определяемого должна быть поставлена в зависимость от дискурсных парафраз, чем и обуславливается квалификация относительных придаточных как средств когеренции дискурса. При этом обнаруживается тот факт, что сам говорящий никак не материализует их в утвердительном речевом акте. Они представлены в высказывании только в виде «следов» тех утверждений, которые были произведены за пределами текущего высказывания. По отношению к дискурсу как механизму, ответственному за производство высказывания, французская школа делает вполне логичный вывод: парафрастическое отношение «может функ-

ционировать вне сознания говорящего, пишущего, слушающего или читающего, и в этом «забвении» и заключается (как это показали Пешё и Фукс) иллюзия того, что сам говорящий, пишущий и т. п. является первоисточником своих слов и своего дискурса» [1, с. 180]. В такой модели анализа дискурса понятие интердискурса выглядит комплексным, так как мотивируется тройко: связью с дискурсными формациями, бессознательным и материальным проявлением в виде синтаксических структур с неутвержденными предикативными отношениями. На этом фоне вполне определенными являются следующие дефиниции интердискурса. Интердискурс – это то, что «говорит всегда “до, вне и независимо” (от конкретного высказывания)» [8, с. 45]. «Всякая дискурсная формация скрывает за прозрачностью смысла, который в ней устанавливается, свою зависимость от «сложного целого с доминантой» дискурсных формаций, сплетенного с комплексом идеологических формаций ... Мы предлагаем назвать интердискурсом (*interdiscours*) это «сложное целое с доминантой» дискурсных формаций, уточняя при этом, что оно также подчиняется закону неравенства-противоречия-зависимости...» [7, с. 266-267].

Особо отметим момент, чрезвычайно важный для описания форм дискурса как форм языка. Он состоит в объективной возможности обнаружения интердискурса в синтаксической структуре высказывания. Теория акта производства высказывания предполагает (исходя из того, что эффекты значения возникают за счет дискурсной парафразы [1, с. 178]), что некоторые предложения могут быть подвергнуты сегментации (анализу) с точки зрения утверждения. В таком случае то, что представлено в предложении в виде имплицитных или стертых предикативных отношений, в связи с которыми можно восстановить предыдущий речевой акт, есть след дискурсной парафразы, источник которого – высказывание, сделанное «ранее и в другом месте». П. Анри для обозначения импортированных высказываний, находящихся свое место в синтаксической структуре текущего дискурса, ввел понятие «преконструкт». М. Пешё, помимо преконструкта, выделил еще одну интердискурсную форму – «эффект опоры».

В заключение мы приведем дефиниции этих понятий. Что касается понятия «преконструкт», то оно вполне определилось, поскольку преконструированные лингвисти-

ческие формы (номинализации и сравнительные конструкции с союзом *как*) были детально проанализированы на конкретном языковом материале. Мы имеем в виду следующие работы П. Серио [9; 11]. Определение прекоконструкта по П. Серио: это простые высказывания, либо взятые из предыдущих дискурсов, либо представленные таковыми. «Данные высказывания, внешние по отношению к акту текущего высказывания, вносятся в него в качестве предикативных отношений, где в каждом элементе *уже* (выделено П. Серио. – В. Б.) наличествуют ассертивные операции, либо реализованные, либо принимаемые за реализованные в течение предыдущего акта производства высказывания, независимо от того, является ли данный акт внутренним или внешним по отношению к рассматриваемому речевому произведению» [9, с. 356].

Конкретных исследований дискурса в связи с эффектом опоры, по-видимому, нет. Мы можем сослаться исключительно на одну работу М. Пешё [7, с. 247], в которой это понятие не столько определяется, сколько применяется операционально. Поэтому следующее определение следует рассматривать лишь в контексте будущих уточнений. Вслед за М. Пешё, эффект опоры трактуется нами как логическое «отношение импликации между свойствами» именных групп, конституированных в качестве элементов синтаксической структуры, проанализированной с точки зрения утверждения. Неассертивная часть предложения «выступает как опора мысли, содержащейся в другом предложении». Таким «другим предложением» является ассертивная часть. Иначе говоря, при описании опорного процесса важным является учет особенностей синтаксической стыковки ассертивной и неассертивной части. М. Пешё не случайно использует термин «синтакси-

ческая стыковка» [7, с. 267] для обозначения эффекта опоры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Анри П. Относительные конструкции как связующие элементы дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999. – С. 158-183.
2. Вайс Даниэль. Высказывания тождества в русском языке: опыт их отграничения от высказываний других типов // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XV. Современная зарубежная русистика. – М., 1985. – С. 434-463.
3. Доннелан К.С. Референция и определенные дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика. – М., 1982. – С. 134-160.
4. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999. – 416 с.
5. Лютикова Е. Загадки русских относительных предложений. Хэндаут доклада на конференции «Синтаксические структуры-2» 2-4 апреля 2008. – М., 2008.
6. Митренина О.В. Синтаксис коррелятивных конструкций русского языка с позиций генеративной грамматики [Электронный ресурс] // Труды международной конференции «Диалог 2008». Режим доступа свободный: // <http://www.dialog-21.ru/dialog2008/materials/html/55.htm>. Проверено 26.03. 2010.
7. Пешё М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999. – С. 225-290.
8. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999. – С. 12-53.
9. Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999. – С. 337-383.
10. Серл Дж. Р. Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М., 1982. – С. 179-202.
11. Серио П. Сравнение, тождество и имплицитная предикация // Логический анализ языка. Избранное. 1985-1995. – М., 2003. – С. 282-295.